

Археология филологического знания

Лидия Трипиччионе

Борис Бухштаб как явление теории¹

Lidia Tripiccione

Boris Bukhshtab as a Phenomenon of Theory

Лидия Трипиччионе (Принстонский университет, отделение славянских литератур, аспирантка) lidiat@princeton.edu.

Lidia Tripiccione (PhD Candidate; Department of Slavic Languages and Literatures, Princeton University) lidiat@princeton.edu.

Ключевые слова: библиография, теория библиографии, литературоведение, младоформалисты

Key words: bibliography, theory of bibliography, literary scholarship, young-formalists

УДК: 80+81

DOI: 10.53953/08696365_2024_190_6_192

UDC: 80+81

DOI: 10.53953/08696365_2024_190_6_192

Статья посвящается Борису Бухштабу, младоформалисту, библиографу и литературоведу, и его поздним работам «Библиографические разыскания по русской литературе XIX века» (1966) и «Литературоведческие расследования» (1982). Доказывается связь сборников с теоретическими дискуссиями о библиографии начала 1960-х годов и предполагается, что «Разыскания» и «Расследования» позволяют Бухштабу исследовать границы академических жанров и предложить особое понятие литературоведения и литературоведа.

In this article, I take as my object of inquiry two later works by the young formalist, philologist and bibliographer Boris Bukhshtab, "Bibliograficheskie razyskaniya po russkoy literature XIX veka" (1966) and "Bibliograficheskie rassledovaniya" (1982). I show the link between these publications and the theoretical discussions on bibliography from the 1960s, and I conclude that through the "Razyskaniya" and "Rassledovaniya" Bukhshtab explores the possibilities of academic genres and proposes a specific understanding of literary scholarship and of the literary scholar.

«Как быть писателем?» — известный вопрос, лежащий в основе теории литературного быта Бориса Эйхенбаума [Эйхенбаум 1987: 429]². «Как быть литера-

- 1 Сердечно благодарю Сергея Ушакина, Илью Калинина, Марка Липовецкого и других участников круглого стола «Архаисты и новаторы» 2022 года за бесценные комментарии к раннему наброску этой статьи. Также благодарю Анну Вичкитову за помощь с русским языком.
- 2 Как известно, Эйхенбаум впервые опубликовал статью «Литература и литературный быт» в 9-м номере журнала «На литературном посту» в 1927 году.

туроведом?» — гораздо менее известный, но не менее интересный вопрос, структурирующий статью Евгения Тоддеса о работах Эйхенбаума 1930—1950-х годов [Тоддес 2002: 567]. На примере исследований Эйхенбаума тех лет Тоддес описывает повторный процесс адаптации ученого к непредсказуемо меняющимся требованиям советского режима, ведущий в конечном итоге к неотменяемой интериоризации марксистско-ленинских идеологем.

Вопрос «Как быть литературоведом?» (или, шире, ученым) ощущается особенно остро в таких идеологизированных контекстах, как, например, Советский Союз или американские университеты периода маккартизма, когда академическая работа подвергалась прямому политическому контролю, но он не менее актуален и в других. По сути, и книга французского социолога Пьера Бурдьё об академической среде в либеральной Франции конца XX века [Bourdieu 1988] интересуется нормативной системой, определяющей, среди прочего, как ученые должны вести себя и что (и в каком количестве) они должны публиковать, для того чтобы продвигаться по карьерной лестнице и набирать социальный капитал.

В сегодняшние дни бесконечно повторяется, что успешная академическая карьера зависит не только от качества, но и во многом от количества публикаций, согласно всем известной мантре: «Публикуйся или погибни» (Publish or perish). Безусловно, было бы интересно проследить подобные требования в исторической перспективе, но рядом с вопросом о количестве публикаций стоит другая, по-видимому более важная, проблема, а именно вопрос об академических жанрах, то есть о том, «что ученые должны писать». Дело в том, что от ученых требуется научный вклад разного типа, от монографий и статей до предисловий и комментариев, в зависимости не только от области, но и от исторических и географических оснований. В наши годы в США литературовед не может считаться успешным и не может претендовать на «бессрочный контракт» (tenure), не будучи автором хотя бы одной монографии, а художественная деятельность, если она есть, воспринимается отдельно, в то время как в послесталинский период, как замечает У.М. Тодд III, документальные повести о жизни писателей могли считаться особой формой литературоведения [Тодд 2011: 575]³.

С этой перспективы особое место занимает противопоставление теоретических и эмпирических жанров. Бурдьё, например, пишет в своей книге о возражениях специалистов по узким областям против «амбициозных теоретиков» в системе, как французская, где теоретические исследования ценились больше, чем эмпирические [Bourdieu 1988: 14]. В качестве анекдота примечу, что многие переехавшие из Италии и России в США аспиранты удивляются разрыву в методах гуманитарных наук в Новом и Старом Свете. Такие эмпирические жанры, как комментарий или коммеморативные доклады о жизни и творчестве писателей или выдающихся ученых, почти немыслимы в Америке, где, как многие говорят, царствует теория.

Дихотомия теоретических и эмпирических исследований приобрела особое значение в Советском Союзе, где эмпирические жанры, по крайней мере в послесталинский период, были областью некоторой профессиональной сво-

3 Тодд III упоминает Якова Гордина (р. 1935), автора ряда романов, например, о декабристах, как «Мятеж реформаторов» (1989). Автор считает, что на популярность этих жанров оказал влияние Тынянов.

боды и поэтому противопоставлялись идеологизированному теоретическому дискурсу:

Эмпирические исследования в советской системе производства символического капитала ценились куда выше, чем в среде западных литературоведов этого времени. Архивные открытия, био- и библиографическая информация, комментированные научные издания основных литературных текстов считались весьма престижными, поскольку в целом позволяли ученым, сделавшим эту работу, говорить правду, не жертвуя объективными научными стандартами. <...> Эта работа приносила постоянный доход, престиж и определенную степень свободы от партийно-идеологического насилия, однако ценой часто оказывалась невозможность развития собственного критического голоса или создания монографической работы критического, теоретико-или историко-литературного характера [Тодд 2011: 573–574].

Хотя Тодд III не пользуется этим выражением, можно сказать, что его статья, равно как и работа Тоддеса, предлагает ответ на вопрос «Как быть литературоведом?»: либо отказаться от теоретических работ и завести некоторый уровень независимости, либо подвергаться партийному идеологическому контролю. Перспектива Тодда, указывающая на возможность компромисса между литературоведом и властью, резко отличается от позиции Тоддеса, согласно которому интериоризация советских идеологием была неизбежна⁴. Аргументация Тодда во многом сходится с рядом исследований об истории (естественных) наук⁵ в Советском Союзе, где советская идеология понимается не как всемогущая сила, всецело угнетающая ученых, а как особый язык, регулирующий отношения между партией, учеными и государством [Gerovitch 2002: 13]⁶.

Другой подход к вопросу «Как быть литературоведом?» — это, конечно, открытая критика режима или устоявшегося литературоведческого дискурса. Для данной статьи интересно, что в случаях Абрама Терца и Аркадия Белинкова, как показывает Илья Кукулин, подрыв академического дискурса шел путем разработки новаторских, научно-художественных жанров: ученый упоминает, например, «фантастическое литературоведение» Терца, основанное на критическом и трансгрессивном скрещении научного исследования с субъективизмом [Кукулин 2011: 116].

Кукулин, Тодд и историки науки подсказывают, что даже в идеологизированных контекстах у ученых остается возможность модифицировать до какой-то степени свою позицию в системе и иерархии научных жанров или, более радикальным образом, придумать новые, критические способы проводить исследования. Итак, академическая среда определяет, как быть литературоведами, что ученые могут и должны писать, а у ученых, в свою очередь, есть не-

4 Замечу, что профессиональная судьба Эйхенбаума для Тоддеса олицетворяет типовой путь любого советского интеллигента [Тоддес 2002: 571]. Недавно опубликованная статья Ильи Винницкого о Михаиле Леоновиче Гаспарове [Винницкий 2023] тоже посвящена поведению ученых в позднесоветский период.

5 Термином «история науки» я здесь обозначаю history of science, область, которая традиционно интересуется исключительно естественными науками, как физика, математика и т.д.

6 Кроме известной работы Геровича об истории кибернетике в СССР, упомяну классические работы Лорена Грахама [Graham 1998] и Николая Кременцова [Krementsov 1997].

кое пространство для маневра. Как эта динамика разворачивается, вопрос исторический. Моя задача здесь — рассмотреть вопрос «Как быть литературоведом?» через призму разработки новаторских эмпирических жанров на примере двух работ Бориса Бухштаба (1904—1985), младоформалиста, специалиста по литературе XIX века, библиографа.

Что касается раннего периода его жизни, Бухштаб известен в основном как ученик Юрия Тынянова и Бориса Эйхенбаума, участник их домашних семинаров вместе с Лидией Гинзбург, Вениамином Кавериним и другими⁷. Мало изучена, в общем, деятельность Бухштаба после формалистического периода, хотя основные этапы его профессиональной жизни известны: с 1926 до 1942 года Бухштаб работал систематизатором в Публичной библиотеке имени М.Е. Салтыкова-Щедрина, хотя в некоторые периоды одновременно занимал и другие посты [Брандист 2007; Вахтина 1996]⁸. В 1942 году Бухштаб был уволен из библиотеки в связи с отъездом из Ленинграда в Омск, где жил до 1944 года [Эльзон 2003]. Вернувшись в Ленинград в 1944 году, Бухштаб проработал еще два года в Публичной библиотеке до того, когда он окончательно покинул ее. В дальнейшем занимал пост на кафедре библиографии Ленинградского государственного библиотечного института.

Двадцатилетие 1950—1970-х годов стало периодом интенсивного труда для Бухштаба. Его имя встречается во многих изданиях русских классиков в качестве редактора или автора вступительных статей и примечаний [Добролюбов 1962; Прутков 1965; Фет 1959] и в ряде библиографических пособий и указателей для студентов библиографических вузов [Бухштаб 1954; 1960а]. Среди самостоятельных (то есть не относящихся к паратексту) работ Бухштаба упомянем исследование о жизни и творчестве Фета (1974), сборник о Добролюбове, Фете, Козьме Пруткове и Тютчеве (1970) и две любопытные книги (фокус настоящей статьи) под названием «Библиографические разыскания по русской литературе XIX века» [Бухштаб 1982] и «Литературоведческие расследования» (1982). Посмертно были опубликованы еще два сборника с исследованиями о Некрасове, Пастернаке, Мандельштаме и других [Бухштаб 1989; 2000].

Хотя я опираюсь на исследования Кукулина и Тодда, моя точка зрения расходится с обоими: в отличие от Кукулина, я не интересуюсь диссидентами и эмигрантами и, в отличие от Тодда, не воспринимаю теорию и эмпирическую работу как два противоположных начала, а занимаюсь их взаимосвязью. У Тодда эмпирические работы характеризуются некоторой нехваткой, недостатком «критического голоса» по сравнению с возможностями, которые он имплицитно приписывает теории. Сходное представление нередко встречается и в работах, посвященных формалистам и младоформалистам после 1930-х го-

7 Ранняя работа Бухштаба об Александре Вельтмане, русском писателе и картографе, была опубликована в сборнике под редакцией Эйхенбаума и Тынянова, где выступили младоформалисты [Бухштаб 1926].

8 С 1925 до 1926 года, например, Бухштаб преподавал литературу для студентов Государственных курсов техники речи; с 1925 до 1928 года Бухштаб был аспирантом в Ленинградском институте для сравнительной истории и языков Запада и Востока, а с 1927 до 1929 года он был исследователем в Государственном институте истории искусств. Единственная остававшаяся загадка жизни Бухштаба — это причины его второго ареста. Известно, что в 1928 году молодого Бухштаба арестовали в связи с его участием в группе «Сосьете — Общество удовольствий», но почему он был повторно арестован в 1933 году, не ясно [Эльзон 2003].

дов, где их текстологическая, библиографическая, иногда даже художественная деятельность воспринимается как вынужденное отталкивание от теории и поэтому как менее значима и менее интересна⁹. К примеру:

После смерти Бухштаба, в конце 1980-х — 1990-х годах, были опубликованы его ранние работы о Мандельштаме, Пастернаке, Хлебникове и Вагинове, представившие его как первоклассного знатока и исследователя русской поэзии XX века с большим вкусом к теоретическим проблемам. С начала 1930-х годов Бухштаб по понятным причинам сосредоточился на изучении русской литературы XIX века и стал писать в «позитивистской», так сказать, манере, ничуть не утратив, однако, остроты восприятия литературы и филологической культуры, привитых ему учителями [Каганович 2016: 279].

Данная перспектива, казалось бы, особо хорошо применима к Бухштабу, который, как вспоминает его друг, литературовед Вадим Баевский (1929—2013), был огорчен тем, что библиографическая работа выжимала из него все силы и не оставляла времени на литературоведение, которое и осталось лишь его «приватным занятием в свободные часы» [Баевский 1996: 391].

Ничуть не отрицая грубую адаптацию, которой советский режим потребовал от Бухштаба в профессиональной жизни, но дистанцируясь от иерархических суждений о теоретических и эмпирических работах, я пытаюсь указать на альтернативный подход к его исследованиям. Это позволяет мне сосредоточиваться на теоретических спорах, которые велись в 1960-е годы в СССР в таких сугубо, казалось бы, эмпирических областях, как библиография и текстология. Отталкиваясь от этих споров, статья посвящается вышеупомянутым «Разысканиям» и «Расследованиям»: обнаруживается их связь с теоретической дискуссией и рассматривается их эволюция как попытка прощупать возможности гибридных, научно-популяризаторских жанров.

Библиография и ее теория

Согласно известному советскому библиографу Льву Наумовичу Троповскому (1885—1944), библиография — это «область знания и научной и пропагандистской деятельности, имеющая задачей учет, систематизацию и оценку произведений печати с целью наиболее полного их использования» [Троповский 1937: 55]. О теории библиографии здесь ни слова, так как библиография называется областью знания и деятельностью, функция и социальное значение которой подчиняются пропаганде. По мнению историков библиографии, классическая формулировка Троповского характерна для 1930—1940-х годов, когда библиография считалась чисто вспомогательной дисциплиной с целью распространения данных о произведениях печати и их оценки: «Власть умерила теоретические претензии библиографов старой школы (1920-х годов. — Л.Т.) указанием на то, что библиография — обслуживающая дисциплина, вспомогательная для других отраслей народного хозяйства» [Фокеев 2006: 38]. Функция библиографии, таким образом, сводится к публикации вспомогательных пособий и

9 Пренебрежительное отношение к литературным и текстологическим работам формалистов можно найти, например, в первой англоязычной монографии о формализме, написанной учеником Романа Якобсона Виктором Эрлихом [Erlich 1955].

указателей для ученых и читателей разных уровней. Даже тогда, когда она именуется наукой, оценочная и рекомендательная функции оказываются на первом месте. По не менее классической, чем Троповского, формулировке библиографа Александра Эйхенгольца (1897—1960), под библиографией имеется в виду «наука, раскрывающая содержание книжных богатств по их идеологической, научной и практической ценности» [Эйхенголец 1946: 4].

Переломным моментом в истории дисциплины являются 1950-е и 1960-е годы. После публикации в 1954 году учебного пособия «Общая библиография» [Денисьев 1954] вспыхнула горячая дискуссия об определении и функции библиографии, которая велась преимущественно на страницах журнала «Советская библиография». В ней Бухштаб принимал активное участие. Суть обсуждений, которые продолжались почти десятилетие, заключается в том, как определить библиографию, каковы ее составные части, является ли она самостоятельной или вспомогательной дисциплиной и вообще является ли она наукой, то есть можно ли разработать научный библиографический метод¹⁰. Здесь слово «теория» встречается нередко и в основном используется как бы циркулярным образом, для того чтобы указать на то, что библиографическая работа подразумевает не только составление пособий и указателей, но и уровень метадискуссии о пределах, возможностях и направлении самой дисциплины. Как пишет академик Павел Берков (1896—1969):

В библиографической литературе — как на русском языке, так и на иностранных — давно уже принято деление библиографии на теоретическую и практическую. Под практической библиографией подразумевают создание конкретных библиографических указателей любого вида и назначения, начиная с текущей регистрационной библиографии, различных каталогов, перечней, обзоров и списков и кончая универсальными библиографиями второй и третьей степени. Под понятие теоретической библиографии подводят немногочисленные в общем работы, посвященные рассмотрению существа и методов библиографии, а главным образом, принципов построения отдельных видов библиографических трудов [Берков 1960: 5].

В то время как все участники дебатов были единодушны в том, что теория библиографии гораздо менее развита, чем практика, позиции резко отличались, когда речь шла о значимости и целях теоретического метадискурса. «Теория библиографии — это лишь скромный раздел более широкого явления, явления действительно большого общественного значения — библиографии в целом...» [Брискман 1960: 82], — заметил библиограф Михаил Брискман (1904—1975) в споре с коллегами, которые, наоборот, ратовали за более четкое разделение между этими уровнями. Как писали Иван Решетинский (1918—?) и Валерий Николаев (1928—1972) в другой статье в том же самом журнале:

Ее (теории библиографии. — Л. Т.) цель — изучить и обобщить конкретный библиографический опыт, практику составления и использования библиографических пособий, обслуживая эту деятельность в виде стройной системы руководящих идей. Это обобщение опыта библиографической работы необходимо для дальнейшего развития и совершенствования самой библиографической деятельности. Теория библиографии есть *абстрактное отражение библиографической практики в существенных проявлениях*. Она носит ярко выраженный научный

10 Об этой теме см.: [Абросимова 2011].

характер, выявляет существенные черты библиографической деятельности, делает выводы, подмечает закономерности ее развития. Это отличает ее от библиографии как деятельности по информации и пропаганде книг среди читателей [Решетинский, Николаев 1960: 6].

Согласно логике Брискмана, определение библиографии должно отражать прежде всего единство дисциплины: не может быть теории библиографии и дискуссии о ней вне связи с практической библиографией, потому что говорить о библиографии в абстрактном смысле, не учитывая ее общественное значение, не имеет смысла. Брискман — представитель старой школы, в то время как логика Николаева и Решетинского иная, новаторская, так как они, не отрицая важность практической библиографии, все-таки защищают нужду абстрактного уровня чисто теоретической дискуссии. Понятно тогда, что теоретические споры 1960-х годов — это, между прочим, попытка переосмыслить природу библиографической работы вне узких рамок пропагандистских целей. Несмотря на это, в официальных документах, таких как постановление «О состоянии и мерах улучшения работы библиотек Академии наук», все еще подчеркивался только неудовлетворительный уровень «библиографических пособий по отдельным отраслям знаний»¹¹. Сходную позицию, согласно которой библиография является «всеобщей» вспомогательной дисциплины, можно найти еще у Беркова [Берков 1960: 8–9].

Ученые, занимавшиеся историей русской и советской библиографии, согласны в том, что эти дискуссии привели к значимым изменениям в области библиографии. В 1950-е и 1960-е годы парадигму вспомогательной дисциплины постепенно заменяет информационная парадигма [Фокеев 2006: 22]. Не случайно, конечно, что переход к информационной парадигме проходил именно в те годы, когда ученые в разных областях, от математики до языковедения и литературоведения, стали интенсивно обсуждать кибернетику. В связи с этим позиция Бухштаба особо интересна. В то время как слово «информация» можно найти во многих статьях о библиографии в 1960-е годы, только Бухштаб использовал это понятие как центральное в определении дисциплины. Согласно Бухштабу, хотя библиографические пособия и могут иметь пропагандистские, рекомендательные и оценочные цели, «библиографическая деятельность, библиографические труды, обобщение библиографического опыта — это деятельность, труды, обобщение опыта в области информации о произведениях печати» [Бухштаб 1961: 30].

Новаторство определения Бухштаба сказывается, по-видимому, в том, что информация понимается как основной признак дисциплины, «в голом виде», то есть вне связи с какой-либо целью. Другие участники дискуссии, не забывая теоретические интересы, все-таки не пренебрегали воспитательной ролью библиографии перед читателями и общественным ее значением. Хороший пример этого — вышеупомянутая работа Беркова, согласно которой систематизация информации о произведениях печати должна выступать одновременно в роли учета публикации и отчета об успехах советского общества:

11 Постановление от 18 ноября 1960 года № 1037 «О состоянии и мерах улучшения работы библиотек Академии наук СССР» // <https://www.cnb.dvo.ru/wp-content/uploads/2022/05/postanovlenie-prezidiuma-an-sssr-ot-18-noyabrya-1960-%E2%84%961037.pdf> (дата обращения: 09.09.2024).

Чем полнее, многообразнее и своевременнее учитывает библиография литературу, в которой отражаются все эти явления (явления советского общества. — Л. Т.), тем ярче, всестороннее и внушительнее становится строго объективный, научный отчет о развитии социалистической культуры, выраженный специфическими способами и средствами библиографии. Существенная особенность последней как науки в том и состоит, что, учитывая подлежащие ее ведению материалы, она тем самым является и отчетом об этих материалах [Берков 1960: 7].

Для Беркова информация — средство для измерения и тем самым продвижения общественного развития. Для Бухштаба все наоборот: все то, что можно отнести к общественной функции (пропаганда, оценка, рекомендация), — это часть библиографии «в той мере, в какой они связаны с основной, информационной функцией библиографии» [Бухштаб 1961: 40]. Подобно Юрию Лотману и структуральной семиотике, Бухштаб пользовался понятием информации в критическом по отношению к устоявшемуся советскому дискурсу образе¹² — его позиция выражает сознательную критику концепции библиографии как вспомогательной дисциплины и средства пропаганды и одновременно нападает на узкие взгляды советской библиографии:

Часто библиографии вообще приписываются свойства советской библиографии. <...> Усвоив определения библиографии, помещенные в учебниках, студент должен счесть, что изучение произведений печати с точки зрения возможностей их распространения и использования, облегчение трудящимся использования книжных богатств свойственны любому библиографическому указателю — как советскому, так и дореволюционному... <...> ... либо он должен догадаться, что ему преподнесено парадное определение, а на самом деле библиография является не тем, или, по крайней мере не только тем, что значит в определении [Там же: 36—37].

Есть и другая сторона в статье Бухштаба, которую надо кратко прокомментировать и которая прямо скрещивается с острым желанием Бухштаба заниматься литературоведением, и не только библиографией. Согласно ему, такие тесно связанные с литературоведческой работой виды библиографической деятельности, как библиографические разыскания, должны считаться составной частью литературоведения [Там же: 32]. Под разысканиями подразумевается установление авторства, адресата, выходных данных, даты, шире — «какого-либо неизвестного библиографического факта или элемента в этом факте» [Берков 1960: 28], связанного с тем или иным литературным произведением. Словами другого библиографа, Евсея Рыскина (1903—1965), в то время как разыскания и литературоведческую библиографию часто принято считать только предварительными этапами научной работы, «библиография в ряде

12 Лотман определил произведение искусства как «художественную информацию»: «Создавая и воспринимая произведения искусства, человек получает, передает и хранит особую художественную информацию, которая неотделима от структурных особенностей художественных текстов в такой же мере, в какой мысль неотделима от материальных структур мозга» [Лотман 1970: 11]. Поскольку художественную информацию нельзя понять и перевести обычным языком, то видно, что марксистско-ленинское истолкование художественных текстов и разделение между идейным содержанием и художественными особенностями ошибочны, на что и намекает сам Лотман в нескольких местах [Там же: 17—18].

случаев сама выполняет определенные исследовательские задачи. <...> Библиографические и историко-литературные исследования и открытия часто переплетаются, и иногда их трудно разграничить» [Рыскин 1965: 26—27].

Резумируя: суть библиографического труда потенциально освобождается от какой-либо идеологической роли, ибо он зиждется на установлении и систематизации информации о произведениях печати. С другой стороны, когда дело касается информации о литературных произведениях, то библиография органически входит в состав литературоведения, то есть является не только подготовкой к литературоведческой работе. Итак, принимая участие в дискуссии по теории библиографии, Бухштаб предлагает особый ответ на вопрос «Как быть литературоведом?»: литературоведческая работа может вполне оправданным образом существовать на чисто фактуальном уровне, как попытка установить неизвестные данные о литературных произведениях. Переход с теории на практику и конкретный образ литературоведа, который вырисовывается в интересующих нас сборниках, обсудим в дальнейшем.

Из теории к фактографии

Не случайно, по-видимому, что «Разыскания», первый за много лет сборник, где Бухштаб выступал в качестве автора, а не составителя или редактора, были опубликованы именно в 1966 году, на волне теоретических споров. Связь с ними очевидна, по крайней мере во введении, где Бухштаб ссылается на уже нами процитированное место в монографии Рыскина и на идею о тождестве библиографических исследований с литературоведческими [Бухштаб 1966: 3]. В книге собраны работы разных лет о литературе XIX века, уже отдельно появившиеся в печати. Статьи резко отличаются по длине; некоторые из них объемные, а другие не превышают пару страниц. Как подсказывает название сборника, во всех эссе устанавливаются и разъясняются какие-то неизвестные факты о литературных произведениях или разоблачаются и корректируются неправильные предложения.

Но отношение сборника к библиографическим дискуссиям гораздо глубже прямой ссылки на Рыскина. Среди сборников и журналов, где эти работы появились впервые, найдем «Труды Ленинградского библиотечного института имени Крупской», «Известия АН СССР», «Литературное наследство», несколько сборников разных лет по Некрасоведению, «Русскую литературу», «Омский альманах» и «Вестники» Ленинградского и Саратовского университетов. Сам факт, что Бухштаб собрал в одно место статьи, которые изначально печатались и в библиографических, и в литературоведческих публикациях, усиливает тождество библиографических разысканий с литературоведением, но здесь, по-видимому, важнее другое. В первоначальных сборниках и в журналах все эссе были связаны какой-то темой, подчинялись более высокой функции, то есть были частью коллективного научного дискурса: статьи в некрасовских сборниках углубляют знание о Некрасове; «Литературное наследство» собирает статьи и материалы о разных писателях; в двух статьях, опубликованных в «Омском альманахе» в 1940-е годы, устанавливались новые факты о пребывании в Сибири малоизвестного декабриста. Более того, поскольку все работы уже появились в печати, факты, представленные в «Разысканиях» в 1966 году, больше не новы. В «Разысканиях», таким образом, остается лишь уровень ин-

формации, фактов, которые, по-видимому, Бухштаб пытается распространить за пределы узкого круга специалистов.

Хотя Бухштаб об этом умалчивает, он ввел существенные изменения в текстах «Разысканий», где ход аргументации более линейный и значительно упрощен по сравнению с изначальными версиями. Приведу пример. Ода «Бокал заздравный поднимая...», также известная как «Муравьевская ода», была впервые напечатана во второй книге «Русского архива» за 1885 год с заметкой редактора журнала Петра Бартенева (1829—1912), где авторство приписывалось Некрасову. На самом деле оду в честь графа Михаила Николаевича Муравьева, усмирителя Польского восстания в 1863-м и председателя Верховной комиссии по делу Дмитрия Каракозова в 1866 году, написал не Некрасов, а чиновник, начальник канцелярии Муравьева Иван Никотин. В статье на эту тему, впервые опубликованной в журнале «Каторга и ссылка» [Бухштаб 1933] и потом перепечатанной в сборнике о Некрасове [Бухштаб 1944], Бухштаб разоблачает ошибку Бартенева и разъясняет удивительную путаницу, возникшую в связи с авторством и датировкой стихотворения. Хотя Некрасов 16 апреля 1865 года действительно прочел стихи в честь графа на обеде в Английском клубе в Петербурге, они не сохранились и, вероятно, никогда не печатались.

Если сравнить версию статьи Бухштаба 1966 года с оригиналом 1933 и 1944 годов, то увидим значительные изменения. Версия «Разысканий» начинается с краткого объяснения, кто такой Муравьев, в то время как в оригинале исторический контекст считался данностью. Более того, в оригинале кратко комментируется «шинельно-патриотический» тон [Там же: 185] оды и объясняется, почему трудно представить, что ее написал Некрасов, а в «Разысканиях» никаких замечок о художественном стиле не находим. Подобным образом параграф о жизни и творчестве Никотина [Там же: 188—189] опущен в «Разысканиях». В общем текст «Разысканий» гораздо менее требовательный к уровню знания читателя, чем предыдущие варианты, написан для более широкой публики и в некоторых местах очевидно, что Бухштаб ввел несколько не содержательных, а скорее стилистических изменений ради ясности¹³. Ср., например, оригинал: «В дореволюционные собрания сочинений Некрасова это стихотворение не входило (эти собрания вообще были стандартны и не включали новых публикаций)» [Там же: 184] — с соответствующим местом в «Разысканиях»:

В дореволюционных собраниях стихотворений Некрасова текст этот не пропечатался — не потому, чтобы автентичность его возбуждала сомнения, — напротив, некрасоведы ссылались на него (например, В.Е. Чешхинскин-Вертинский, В.Е. Евгеньев-Максимов); но потому, что дореволюционные издания Некрасова вообще не пополнялись никакими новыми находками [Бухштаб 1966: 111].

Другим примером упрощения текста в «Разысканиях» служит статья о Николае Алексеевиче Чижове (1803—1848), декабристе и малоизвестном поэте, авторе одной стихотворной сцены, включенной в оперетту Козьмы Пруткова «Черепослов, сиречь Френолога», неправильно приписанную другому поэту, Петру Ершову (1815—1869), автору детских стихов «Конек-Горбунок». Статья в «Разысканиях» является сокращением двух опубликованных Бухштабом в «Омском

13 Важно заметить, что, хотя в статье есть сокращения, часто поправки в текстах «Разысканий» являются дополнениями. Это доказывает, что Бухштаб ввел их по собственной воле, а не для того, чтобы сократить текст для издательства.

альманахе» статей [Бухштаб 1945; 1947]. Журнал этот, где публиковались местные поэты¹⁴, интересовался преимущественно сибирскими темами: в пятом выпуске, например, рядом с первой из двух статей Бухштаба помещена статья о Петре Ершове [Бурмин 1945], так что работа Бухштаба воспринималась как часть более широкого обсуждения русской литературы в Сибири. Более того, в «Разысканиях» отсутствует ряд деталей, доказывающих принадлежность слов Бухштаба к научному дискурсу. В альманахе, например, текст начинается длинным абзацем о том, как парадоксальным образом иллюзия авторской личности Козьмы Пруткова должна быть защищена от стихов-подделок, незаконно приписанных ему, что служит обрамлением для аргументации Бухштаба [Бухштаб 1945: 116]¹⁵. Этого просто нет в «Разысканиях», где проблема авторства представляется сама по себе, как и нет обнаруженного Бухштабом стихотворения Чижова «Русская песня», помещенного в конце первой статьи в альманахе [Там же: 125].

В их оригинальном контексте все исследования вписались в литературоведческий, научный дискурс для специалистов. В «Разысканиях» мы встречаем почти парадоксальную ситуацию. С одной стороны, связь с научным уровнем ослабляется: тексты более доходчивы и представлены один вслед за другим вне контекста научного дискурса. С другой стороны, выявляется литературоведческая природа всех собранных исследований, включая те, что впервые появились в библиографических журналах. Если «Разыскания» можно отнести к литературоведению (что я не отрицаю), то все-таки надо поговорить об особом роде литературоведения, которое я буду именовать фактографическим.

Я пользуюсь термином «фактография» в значении, которое придавал ему не ЛЕФ в конце 1920-х годов, а Денис Козлов вслед за «Словарем современного русского литературного языка», то есть как описание или набор фактов вне анализа и, что важнее для нашего контекста, без попытки обобщения [Kozlov 2001: 578]¹⁶. Козлов пишет, что любовь к мелким историческим фактам и к эрудиции и чувство недовольства к идеологизированному изложению истории (например, в школьных пособиях) характеризовали советскую интеллигенцию послесталинской эпохи и вплоть до распада Союза. Согласно Козлову, фактография означает не радикальное переосмысление прошлого, а более приемлемую для власти попытку восстановить его во всех его деталях в поиске новой идентичности [Ibid.: 578—580]. В данном значении «фактография» кажется мне идеальным описанием «Разысканий», где факты представляются вне зависимости от идеологической или научной рамки. Это приводит нас обратно к статье Бухштаба об определении библиографии: как библиография у Бухштаба освобождается от определенной пропагандистской функции, так разыскания отцепляются от изначальной, чисто научной среды и информация в них представляется более широкой публике в виде более доходчивой формы литературоведения.

Мы уже заметили, что Козлов связывает послесталинский интерес к фактографии с поиском новой идентичности внутри позволенных властью границ. Но Козлов говорит в основном о фактографии, а не о фактографах, — а между тем важно обсудить этот вопрос на уровне персоналий, что позволяет нам вернуться к теме «Как быть литературоведом?». В «Разысканиях», кроме набора

14 Как, например, Леонид Николаевич Мартынов (1905—1980).

15 Слова Бухштаба, особенно выражение «авторская личность», не могут не напоминать о Юрии Тынянове и о его идеях о литературной личности.

16 Козлов ссылается на 16-й том словаря Академии наук (У — Ф).

интересных фактов, выдвигается вперед и автор-эрудит: ведь единственной причиной, почему статьи вышли под одной обложкой, был тот факт, что их все написал один человек. Это Бухштаб как автор нанизывает, как писал бы Шкловский, статьи эти одну за другой, то есть авторство здесь служит мотивировкой, которая держит вместе материал сборника¹⁷. По мере того как литературоведческая и библиографическая работа освобождается от научной и пропагандистской рамок, возникает пространство для информации в голом виде, поиска новой аудитории и фигуры автора-эрудита. И действительно, рецензия на сборник в «Вопросах литературы» показывает, что современники воспринимали «Разыскания» как проявление феноменальной эрудиции автора:

Отличное знание эпохи, удивительное умение вчитываться в текст и видеть в нем такие детали, которых не видели предшественники, всегда было замечательной особенностью Б. Бухштаба — исследователя, и статьи, опубликованные в этом сборнике, с наглядностью демонстрируют его превосходную библиографическую и историко-литературную эрудицию [Прохоров 1967: 175].

Заметим, что такие атрибуты, как эрудиция, энциклопедизм, феноменальная память и некое врожденное чутье, были нередко связаны с библиографами и библиотекарями¹⁸: и поэтому, между прочим, участники теоретических дискуссий о научности библиографии постарались доказать, что библиография — это не область для избранных со специальным дарованием, не искусство, а метод со своими рациональными правилами, который любой человек может усвоить [Берков 1960: 36; Мачурина 1970: 16]. Интересно, что вопрос о чутье, интуиции, таланте обсуждали по схожим причинам и текстологи, которые в 1960-е годы тоже были заняты интенсивными теоретическими дискуссиями¹⁹. На страницах журнала «Русская литература» знаменитый филолог Дмитрий Лихачев (1906—1999) обвинил Бухштаба в том, будто его предложения о работе филолога основываются не на научном методе, а на таких неуловимых понятиях, как остроумие и догадка [Лихачев 1965: 79]. На это Бухштаб ответил:

Признаюсь, я в самом деле не знаю, чем — в любой науке, в том числе и в текстологии, — можно заменить размышление, догадку, остроумие. Полагаю, однако, что этого не знает и мой оппонент, ибо он пользуется теми же понятиями, что и я [Бухштаб 1965: 127].

Итак, остроумие, догадка, чутье для Бухштаба незаменимы. Это, конечно, не значит, что он отрицал возможность разумно подходить к текстологической работе, но это хорошо согласовывается с общей его позицией в текстологических спорах; вслед за Эйхенбаумом и Томашевским он в общем подчеркивал,

17 Подобно тому, как запрещение Али говорить о любви служило мотивировкой для «Зоо, или письма не о любви».

18 Например, в одном выпуске журнала «Огонек» от 1969 года находим краткую историю известного библиотекаря Румянцевского музея, который, кажется, обладал феноменальной памятью [Безъязычный 1969].

19 Например, см.: «Заявления о необходимости для текстолога таланта и практического опыта не должны вводить в заблуждение: талант и практический опыт необходимы во всяком деле, но это не исключает и даже предполагает пользование устойчивыми научными принципами и критериями» [Нечаева 1962: 8]. Что же касается текстологических споров, то они были особенно сильны в 1960-е годы вслед за публикацией некоторых теоретических работ [Лихачев 1962; Нечаева 1962; Эйхенбаум 1962].

что филологическая работа является процессом с часто нечеткими границами, что канонический текст не может быть установлен раз и навсегда в каждом случае и что, следовательно, интуиция, эрудиция, догадка могут играть значительную роль (об этом см., например: [Бухштаб 1960б: 221]).

Как я постаралась доказать, в случае Бухштаба «Разыскания» возникли вслед за разработкой новаторского и критического по отношению к советскому дискурсу понимания библиографии. Здесь важны две вещи: во-первых, в рассмотренном нами контексте эмпиризм не мог существовать без теоретического взгляда, точнее, эмпиризм и был результатом теоретического переосмысления функции библиографии. Во-вторых, фактография здесь идет рука об руку со сменой центра тяжести: от литературоведения и библиографии как коллективного дела к автору со своей личной эрудиции. В статье Козлова фактография и попытки восстановить прошлое связаны с национализмом [Kozlov 2001: 593]. Здесь, я бы сказала, обнаруживается другая сторона проблемы, прямо связанная с интересующим нас вопросом о литературоведе. Гибридность сборника намекает на попытку экспериментировать с новыми формами, а фактографический жанр позволяет ученому-библиографу — представителю дисциплины, которую некоторые все еще считали вспомогательной, и автору в основном паратекстуальных исследований — выдвигаться на первый план в качестве эрудита, распространяющего информацию об отечественной литературе среди специалистов и не только.

От фактографии к научному детективу

Только что я говорил о том, что не надо возвращаться на старые следы. Но надо пользоваться старым опытом, так, чтобы мелкие наблюдения укреплялись, обобщались. <...> В художественном произведении человек, подвигаясь вперед, использует прошлое как ступень, использует противоречие прошлого. Он живет и воспоминанием, и памятью о будущем [Шкловский 1970: 233], —

слова Шкловского из «Тетивы» свидетельствуют об опасениях автора: открытие формализма за границей и энтузиазм по отношению к фундаментальным вопросам литературы в Европе и в Советском Союзе сводятся в конечном итоге только к повторению идей прошлого, без качественного скачка. Не место здесь обсуждать, оказался ли он прав, но слова Шкловского, хотя они не имели прямой связи с Бухштабом, могут служить антитезой фактографической модели автора/литературоведа. Как пишет Козлов, фактография предлагает новые факты ради восстановления прошлого во всей его сложности и многозначности, а не ведет к коренному переосмыслению его [Kozlov 2001: 581].

Казалось бы, концепция автора в «Тетиве» сильнее фактографической модели Бухштаба: в книге Шкловского автор часто называется творцом, единственным создателем художественного мира, представителем совершенно новой перспективы, в то время как Бухштаб-эрудит только дополняет, исправляет и распространяет факты²⁰. Зато перспективы фактографической модели гораздо

20 См., например: «Теперь вернемся к единству художественного произведения. Это единство — несомненно единство художественного построения, созданное мироощущением творца. Он пытается создать модели явления мира» [Шкловский 1970: 65]. Позиция Шкловского, конечно, удивляет, если сравнить ее с ранними его работами,

шире, чем они кажутся на первый взгляд. Как я показала раньше, «Разыскания», несомненно, писались для аудитории более широкой, чем академическая публика, хотя трудно представить себе, какого именно читателя Бухштаб имел в виду, когда он готовил свои работы. С одной стороны, статьи извлечены из изначально окружающего их научного дискурса, текст упрощен, с другой стороны, дискуссии в них все еще довольно специализированные. «Разыскания» Бухштаба — работа гибридная, где исследования становятся более доходчивыми, но не настолько, чтобы привлечь внимание широкой публики.

Блестящими примерами фактографии, основанной на исследовательской работе, но написанной для широкой публики, во время публикации «Разысканий» уже были «Рассказы литературоведа» [Андроников 1956] и «Лермонтов. Исследования и находки» [Андроников 1964] Ираклия Андроникова: в то время, как первый сборник вышел в 1956 году и второй в 1964 году, оба были многократно переизданы в 1950—1970-е годы, то есть когда Андроников сотрудничал с радио и телевидением²¹. Как известно, лермонтовед выступал чтецом в нескольких передачах по телевидению и радио: в 1959 году, например, он представил передачу «Загадка Н.Ф.И.», основанную на одноименном его рассказе²², а в 1964 году вел передачу «Ираклий Андроников рассказывает», где вспоминал о великих писателях и культурных деятелях 1920-х годов. Рассказ и передача «Загадка Н.Ф.И.», как и некоторые другие рассказы/передачи, вышли из комментаторской проблемы, которую Андроников решал во время работы над Собранием сочинений Лермонтова²³. В ряде стихотворений, написанных в 1830 и 1831 годах, молодой поэт обращается к девушке, упомянутой лишь тремя начальными буквами Н.Ф.И. Кто же она?

Рассказ, по сути, построен как детектив: в центре находятся загадка и рассказчик/сыщик, который детально объясняет читателю не только все шаги, ведущие к окончательной разгадке, но и все тупики, куда он попадает. Рассказ развертывается исключительно с перспективы ученого, который вспоминает свои разыскательные приключения и в увлекательной форме восстанавливает свои догадки и ход мышления:

И вот уже которую ночь сижу я за письменным столом и при ярком свете настольной лампы перелистываю томик юношеских стихотворений Лермонтова. Внимательно прочитываю каждое, сравниваю отдельные строчки. Вот, например, в стихотворении, которое носит заглавие «К***», Лермонтов пишет:

Я помню, сорвал я обманом раз
Цветок, хранивший яд страданья, —
С невинных уст твоих в прощальный час
Непринужденное лобзанье.

где «человек-творец только геометрическое место пересечения линий, сил, рождающихся вне его» [Шкловский 1923: 22].

21 Один из рассказов Андроникова, «Загадка Н.Ф.И.», вышел в первый раз отдельно в 1949 году.

22 «Загадка Н.Ф.И.» в первый раз появилась в печати в сборнике, куда входил и другой рассказ, «Портрет» [Андроников 1948]. Эти рассказы многократно переиздавались, и новые сборники постепенно пополнялись новыми работами. Например, издание «Рассказы литературоведа» [Андроников 1956] включало также «Земляка Лермонтова» и «Подпись под рисунком».

23 Речь идет о Собрании сочинений Лермонтова в шести томах, опубликованном в 1950 году «Молодой гвардией» со вступительной статьей Андроникова.

«Надо заметить, — думаю я, — что о прощальном поцелуе в этом стихотворении сказано почти так же, как в стихах, обращенных к Н.И. Написаны же они почти в одно время». Так, может быть, и это стихотворение обращено к ней? Может быть, под тремя звездочками скрывается все та же Н.Ф.И.? Тогда, наверно, ей адресовано и другое стихотворение «К ***» [Андроников 2001: 13].

Почти никакой связи с научным дискурсом здесь не остается. Герои рассказа — это и Лермонтов, и загадочная девушка, и, главное, Иракий Андроников — рассказчик. Литературовед здесь выступает в качестве сыщика-эрудита, который разъясняет малоизвестные факты о классиках русской литературы для широкой, неспециализированной аудитории (рассказы печатались детскими издательствами). Путь, указанный Андрониковым, — это путь массового, публичного литературоведа, представляющего фактографические/комментаторские вопросы в виде детективов.

В 1982 году Борис Бухштаб опубликовал «Литературоведческие расследования», сборник, где он собрал некоторые уже появившиеся в «Разысканиях» статьи наряду с некоторыми работами 1970-х годов. Как и у «Загадки» Андроникова, в «Расследованиях» отдается предпочтение детективной перспективе и доходчивости текста за узкими рамками профессиональной публики. Во введении Бухштаб писал:

В каждом из этих произведений есть что-либо неясное, порою даже загадочное. Кто подлинный автор произведения? На кого направлено и по какому поводу написано произведение явно эпиграмматического характера? Подлинный ли текст произведения мы имеем или подмененный другим? Какая замаскированная мысль проступает сквозь рассказ? Каковы источники произведения, наложившие печать на его смысл? <...> Эту книгу я предназначаю читателям, интересующимся историей русской литературы и любящим жанр научного детектива [Бухштаб 1982: 3–4].

Поиск словосочетания «научный детектив» в Национальном корпусе русского языка не выдает, к сожалению, никаких интересных результатов. Однако можно предположить, что Бухштаб имел в виду работы, похожие на вышеупомянутые публикации Андроникова.

Правда, развлекательный стиль Андроникова, основанный на подробном изложении всех шагов сыщика к решению загадки, не встречается у Бухштаба, который модифицировал, но не переписал заново свои работы для нового сборника. Зато изменения, которые автор ввел в «Расследованиях» по сравнению с «Разысканиями», помещают в центр очерков поиск автором-эрудитом разгадки и увеличивают доходчивость и увлекательность рассказа. Во-первых, исключаются все самые короткие статьи, где часто загадки нет. Это случай, например, короткой статьи «К биографии Ершова», состоящей, по сути, из заметок о жизни поэта. Во-вторых, по подобным причинам опускаются и самые длинные статьи, как «Гимны Аполлона Григорьева», где аргументация довольно сложная, и поэтому загадку, хотя она и есть, сложнее уловить.

Изменения в текстах тоже служат доказательствами новых приоритетов. Это становится ясно, например, если взять опять же статью о Чижове. Во-первых, в «Расследованиях» Бухштаб добавил краткое описание сцены в оперетте Пруткова, о которой идет речь, видимо, чтобы и менее опытный читатель мог ориентироваться в историко-литературном контексте. Во-вторых, он убрал

длинный абзац со сноской из Полного собрания сочинений Пруткова, который в «Разысканиях» служил введением к вопросу о том, кто настоящий автор стихов. В-третьих, что, по-моему, самое главное, Бухштаб представил библиографическую проблему прямым образом как загадку. В «Расследованиях» мы встречаем следующий фрагмент, которого не было в «Разысканиях»:

Трудно представить себе куплеты второй картины связанными с каким-то иным сюжетом; вероятно, Ершов сообщил Жемчужникову, а тот использовал и ход действия несохранившегося водевиля, носившего то же заглавие, что и позднейшая оперетта Пруткова.

Однако Ершову ли принадлежала использованная в оперетте Козьмы Пруткова сцена? [Бухштаб 1982: 6].

Абзац, который Бухштаб поместил прямо после краткого описания сцены, несет лишь одну функцию — подчеркнуть общеизвестность и значимость этого произведения в истории русской литературы; тем самым он усиливает эффект следующего абзаца (тоже отсутствующего в «Разысканиях»), который ставит под сомнение авторство знаменитых куплетов.

Центральность аналогии с детективом обнаруживается и тем, что разгадка дана более линейным образом, скорее всего ради доходчивости и понятности. В конце статьи Бухштабу надо доказать, что Чижов был в Тобольске, чтобы окончательно доказать авторство куплетов. Проблема в том, что, хотя тобольская среда декабристов хорошо изучена, присутствие Чижова в Тобольске не упоминается ни в каких источниках, кроме одного письма (на которое ученые до Бухштаба не обращали внимание), наследника Александра Николаевича отцу, царю Николаю I, от 3 июня 1837 года. В «Разысканиях» документ служит единственным доказательством присутствия Чижова в Тобольске и неточности прежних свидетельств о его пребывании в Сибири, а в «Расследованиях» Бухштаб развертывает свою аргументацию более медленно и подробно, приводя сначала более мягкую улику, которой не было в предыдущем тексте:

Но проанализируем приведенные выше данные послужного списка Чижова. Мы видим, что Чижов в 1840 году служил в штабе Сибирского корпуса. Но штаб Сибирского корпуса до 1839 года находился в Тобольске, а с 1839 года был переведен в Омск. В 1840 году Чижов, очевидно, жил в Омске. Значит, был же он в Западной Сибири! [Там же: 11].

Эти поправки показывают центральность загадки и разгадки: хотя установление настоящего автора стихов в частности и разыскания в общем само по себе походит на разгадку, в «Разысканиях» эта аналогия не выражена прямо, в то время как в «Расследованиях» она подчеркнута.

«Расследования» Бухштаба представляют собой как бы следующий этап в эволюции той линии, которую начали «Расследования». Гибридная аудитория, состоящая из специалистов по литературе и заинтересованных читателей, прямо указана во введении, и потенциал самостоятельного фактографического сборника нащупывается благодаря аналогии с детективным жанром, возникшей, вероятно, под влиянием популярных работ Ираклия Андроникова. И так, через «Разыскания» и «Расследования» можно проследить прямую линию, связывающую теоретические споры о библиографии с поиском новых перспектив эмпирических, изначально вспомогательных жанров.

Более того, вопрос развития гибридных жанров переплетается здесь с вопросом о том, как быть литературоведом. Я понимаю, что, в отличие от Терца и Белинкова, Бухштаба нельзя назвать диссидентом, но и в его случае происходит аналогичная игра с границами научных исследований, изначально опирающаяся на критику советского понятия библиографии. Границы традиционных жанров расширяются, и конечный результат этой операции — не критика общества или литературоведческого дискурса, а личность ученого-эрудита, рассказы которого позволяют читателям разных уровней увлекаться богатствами отечественной литературы. Итак, попытка разграничения библиографических жанров приводит к особенному образу литературоведа, который более не связан с коллективным научным дискурсом и выступает как *solista*. Насколько это удовлетворило бы Шкловского периода «Тетивы», пожалуй, другой вопрос, но, надеюсь, случай Бухштаба показывает, что изучение эволюции научных жанров в связи с эволюцией образа (советского) литературоведа может оказаться плодотворным подходом.

Библиография / References

- [Абросимова 2011] — *Абросимова Н.В.* Научные дискуссии как метод развития библиографоведения (на примере 1950—1960-х годов) // Библиотековедение. 2011. № 2. С. 27—34.
- (*Abrosimova N.V.* Nauchnye diskussii kak metod razvitiya bibliografovedeniya (na primere 1950—1960-kh godov) // Bibliotekovedenie. 2011. No. 2. P. 27—34.)
- [Андроников 1948] — *Андроников И.Л.* Загадка Н.Ф.И. М.: Правда, 1948.
- (*Andronikov I.L.* Zagadka N.F.I. Moscow, 1948.)
- [Андроников 1956] — *Андроников И.Л.* Рассказы литературоведа. М.: Гос. изд-во детской литературы, 1956.
- (*Andronikov I.L.* Rasskazy literaturoveda. Moscow, 1956.)
- [Андроников 1964] — *Андроников И.Л.* Лермонтов. Исследования и находки. М.: Художественная литература, 1964.
- (*Andronikov I.L.* Lermontov. Issledovaniya i nakhodki. Moscow, 1964.)
- [Андроников 2001] — *Андроников И.Л.* Избранное: В 2 т. М.: Аусбург; Im Werdem Verlag, 2001.
- (*Andronikov I.L.* Izbrannoe: In 2 vols. Moscow; Ausburg, 2001.)
- [Баевский 1996] — *Баевский В.С.* Я не был лишним. Воспоминания о Борисе Бухштабе // Russian Studies. 1996. № 1. С. 389—417.
- (*Baevskii V.S.* Ya ne byl lishnim. Vospominaniya o Borise Bukhshtabe // Russian Studies. No. 1. P. 389—417.)
- [Безъязычный 1969] — *Безъязычный В.* Необыкновенный библиотекарь Румянцевского музея // Огонек. 1969. № 30. С. 20.
- (*Bez'iazchnyi V.* Neobyknovennyy bibliotekar' Rumyantsevskogo muzeya // Ogonek. 1969. No. 30. P. 20.)
- [Берков 1960] — *Берков П.Н.* Библиографическая эвристика. К теории и методике библиографических разысканий. М.: Изд-во всесоюз. кн. палаты, 1960.
- (*Berkov P.N.* Bibliograficheskaya evristika. K teorii i metodike bibliograficheskikh razyskaniy. Moscow, 1960.)
- [Брандист 2007] — *Брандист К.* Константин Сюннерберг (Эрберг) и исследование и преподавание живого слова и публичной речи в Ленинграде. 1918—1932 гг. // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 2003—2004 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 58—81.
- (*Brandist C.* Konstantin Siunnerberg (Erberg) i issledovanie i prepodavanie zhivogo slova i publichnoy rechi v Leningrade 1918—1932 gg. // Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo goda na 2003—2004. Saint Petersburg, 2007. P. 58—81.)
- [Брисман 1960] — *Брисман М.А.* Спорные вопросы теории библиографии и постро-

- ения учебника «Общая библиография» // Советская библиография. 1960. № 3. С. 78—95.
- (Briskman M.A. Spornye voprosy teorii bibliografii i postroeniya uchebnika "Obshchaya bibliografiya" // Sovetskaya bibliografiya. 1960. No. 3. P. 78—95.)
- [Бурмин 1945] — Бурмин В. Тобольский гражданин Петр Ершов // Омский альманах. Кн. 5. Омск: Омское областное гос. изд-во, 1945. С. 100—116.
- (Burmin V. Tobol'skiy grazhdanin Petr Ershov // Omskiy al'manakh. Vkn. 5. Omsk, 1945. P. 100—116.)
- [Бухштаб 1926] — Бухштаб Б.Я. Первые романы Вельтмана // Русская проза / Под ред. Б. Эйхенбаума и Ю. Тынянова. Л.: Academia, 1926. С. 192—232.
- (Bukhshtab B.Ya. Pervye romany Vel'tmana // Russkaya proza / Ed. by B. Eikhbaum and Yu. Tynianov. Leningrad, 1926. P. 192—232.)
- [Бухштаб 1933] — Бухштаб Б.Я. О тексте муравьевской оды Некрасова // Каторга и ссылка. 1933. № 12. С. 138—145.
- (Bukhshtab B.Ya. O tekste murav'evskoi ody Nekrasova // Katorga i sсыlka. 1933. No. 12. P. 138—145.)
- [Бухштаб 1944] — Бухштаб Б.Я. О тексте муравьевской оды Некрасова // Некрасов в русской критике / Сост. А. Елогин. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1944. С. 183—189.
- (Bukhshtab B.Ya. O tekste murav'evskoi ody Nekrasova // Nekrasov v russkoy kritike / Comp. by A. Elogin. Moscow, 1944. P. 183—189.)
- [Бухштаб 1945] — Бухштаб Б.Я. Козьма Прутков, П.П. Ершов и Н.А. Чижов // Омский альманах. Кн. 5. Омск: Омское областное гос. изд-во, 1945. С. 116—130.
- (Bukhshtab B.Ya. Koz'ma Prutkov, P.P. Ershov i N.A. Chizhov // Omskiy al'manakh. Vol. 5. Omsk, 1945. P. 116—130.)
- [Бухштаб 1947] — Бухштаб Б.Я. П.П. Ершов и Н.А. Чижов в воспоминаниях Констанция Волицкого // Омский альманах. Кн. 6. Омск: Омское областное гос. изд-во, 1947. С. 159—163.
- (Bukhshtab B.Ya. P.P. Ershov i N.A. Chizhov v vospominaniyakh Konstantsiya Volitskogo // Omskii al'manakh. Vol. 6. Omsk, 1947. P. 159—163.)
- [Бухштаб 1954] — Бухштаб Б.Я. Персональная библиография художественной литературы. М.: Гос. изд-во культурно-просветительной лит., 1954.
- (Bukhshtab B.Ya. Personal'naya bibliografiya khudozhestvennoy literatury. Moscow, 1954.)
- [Бухштаб 1960а] — Бухштаб Б.Я. Библиография художественной литературы. М.: Советская Россия, 1960.
- (Bukhshtab B.Ya. Bibliografiya khudozhestvennoy literatury. Moscow, 1960.)
- [Бухштаб 1960б] — Бухштаб Б.Я. Писатель и книга // Вопросы литературы. 1960. № 4. С. 217—222.
- (Bukhshtab B.Ya. Pisatel' i kniga // Voprosy literatury. 1960. No. 4. P. 217—222.)
- [Бухштаб 1961] — Бухштаб Б.Я. Об определении библиографии // Советская библиография. 1961. № 1. С. 26—41.
- (Bukhshtab B.Ya. Ob opredelenii bibliografii // Sovetskaya bibliografiya. 1961. No. 1. P. 26—41.)
- [Бухштаб 1965] — Бухштаб Б. О природе текстологии и проблеме выбора основного текста // Русская литература. 1965. № 3. С. 125—134.
- (Bukhshtab B.Ya. O prirode tekstologii i probleme vybora osnovnogo teksta // Russkaya literatura. No. 3. 1965. P. 125—134.)
- [Бухштаб 1966] — Бухштаб Б.Я. Библиографические разыскания по русской литературе XIX века. М.: Книга, 1966.
- (Bukhshtab B.Ya. Bibliograficheskie razyskaniya po russkoy literature XIX veka. Moscow, 1966.)
- [Бухштаб 1970] — Бухштаб Б.Я. Русские поэты. М.: Художественная литература, 1970.
- (Bukhshtab B.Ya. Russkie poetry. Moscow, 1970.)
- [Бухштаб 1974] — Бухштаб Б.Я. А.А. Фет. Очерк жизни и творчества. Л.: Наука, 1974.
- (Bukhshtab B.Ya. A.A. Fet. Ocherk zhizni i tvorchestva. Leningrad, 1974.)
- [Бухштаб 1982] — Бухштаб Б.Я. Литературоведческие расследования. М.: Современник, 1982.
- (Bukhshtab B.Ya. Literaturovedcheskie rassledovaniya. Moscow, 1982.)
- [Бухштаб 1989] — Бухштаб Б.Я. Н.А. Некрасов. Проблемы творчества. Л.: Советский писатель, 1989.
- (Bukhshtab B.Ya. N.A. Nekrasov. Problemy tvorchestva. Leningrad, 1989.)
- [Бухштаб 2000] — Бухштаб Б.Я. Фет и другие. Избранные работы / Сост., вступ. статья, подгот. текста М.Д. Эльзона при уч. А.Е. Барзаха. СПб.: Академический проект, 2000.
- (Bukhshtab B.Ya. Fet i drugie. Izbrannye raboty / Comp., introd., prep. by M.D. El'zon with part. of A.E. Barzakh. Saint Petersburg, 2000.)
- [Вахтина 1996] — Вахтина П.Л. Борис Бухштаб в Публичной государственной библиотеке (по материалам его личного дела) // Russian Studies. 1996. No. 1. P. 375—387.
- (Vakhtina P.L. Boris Bukhshtab v Publichnoy gosudarstvennoy biblioteke (po materialam ego lichnogo dela) // Russian Studies. 1996. No. 1. P. 375—387.)

- [Виницкий 2023] — *Виницкий И.Ю.* Эзопов миг. М.Л. Гаспаров и культурная биография советской интеллигенции (Филологическая басня) // *Avtobiografiya*. 2023. No. 12. P. 221—247.
- (*Vinitzky I.Iu.* Ezopov mig. M.L. Gasparov i kul'turnaya biografiya sovestkoy intelligentsii (Filologicheskaya basnya) // *Avtobiografiya*. 2023. No. 12. P. 221—247.)
- [Денисьев 1954] — *Денисьев В.Н.* Общая библиография. Учебное пособие для учащихся библиотечных техникумов. М.: Гос. изд-во культурно-просветительной лит., 1954.
- (*Denis'ev V.N.* Obshchaya bibliografiya. Uchebnoe posobie dlya uchashchikhsya biblioteknykh tekhnikumov. Moscow, 1954.)
- [Добролюбов 1962] — *Добролюбов Н.А.* Стихотворения / Подгот. текста, вступ. статья и примеч. Б.Я. Бухштаба. М.: Советский писатель, 1962.
- (*Dobrolyubov N.A.* Stikhotvoreniya / Prep., forew., and notes by B.Ya. Bukhshtab. Moscow, 1962.)
- [Каганович 2016] — *Каганович Б.С.* Неопубликованная работа Б. Бухштаба о поэтике Щедрина // *Вопросы литературы*. 2016. № 5. С. 278—297.
- (*Kaganovich B.S.* Neopublikovannaya rabota Bukhshtaba o poetike Shchedrina // *Voprosy literatury*. 2016. No. 5. P. 278—297.)
- [Кукулин 2011] — *Кукулин И.В.* «Разочарование в истории» как социокультурный диагноз 1960—1970-х годов: Андрей Сиянский и Аркадий Белинков // *Studi Slavistici*. 2011. Vol. VIII. С. 113—136.
- (*Kukulin I.V.* "Razocharovanie v istorii" kak sotsiokul'turnyy diagnost 1960—1970-kh godov: Andrey Siniavskiy i Arkadiy Belinkov // *Studi Slavistici*. 2011. Vol. VIII. P. 113—136.)
- [Лихачев 1962] — *Лихачев Д.С.* Текстология. На материалах русской литературы X—XVII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
- (*Likhachev D.S.* Tekstologiya. Na materialakh ruskey literatury X—XVII vv. Moscow, 1962.)
- [Лихачев 1965] — *Лихачев Д.С.* По поводу статьи Бухштаба // *Русская литература*. 1965. № 1. С. 76—89.
- (*Likhachev D.S.* Po povodu stat'i Bukhshtaba // *Russkaya literatura*. 1965. No. 1. P. 76—89.)
- [Лотман 1970] — *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970.
- (*Lotman Yu.M.* Struktura khudozhestvennogo teksta. Moscow, 1970.)
- [Мачурина 1970] — *Мачурина А.Т.* Об интуиции библиографа и логике библиографического разыскания // *Советская библиография*. 1970. № 2. С. 16—24.
- (*Machurina A.T.* Ob intuitsii bibliografa i logike bibliograficheskogo razyskaniia // *Sovetskaya bibliografiya*. 1970. No. 2. P. 16—24.)
- [Нечаева 1962] — *Нечаева В.С.* Введение // *Основы текстологии* / Под ред. В. Нечаевой. М.: Изд-во Академии наук, 1962. С. 5—10.
- (*Nechaeva V.S.* Predislovie // *Osnovy tekstologii* / Ed. by V. Nechaeva. Moscow, 1962. P. 5—10.)
- [Прохоров 1967] — *Прохоров Е.П.* Историко-литературные разыскания по русской литературе XIX века // *Вопросы литературы*. 1967. № 2. С. 175.
- (*Prokhorov E.P.* Istoriko-literaturnye razyskaniya po russkoy literature XIX veka // *Voprosy literatury*. 1967. No. 2. P. 175.)
- [Прутков 1965] — *Прутков К.* Полное собрание сочинений / Ред., вступ. статья и примеч. Б.Я. Бухштаба. М.: Советский писатель, 1965.
- (*Prutkov K.* Polnoe sobranie sochineniy / Ed., forew., and notes by B.Ya. Bukhshtab. Moscow, 1965.)
- [Решетинский, Николаев 1960] — *Решетинский И.И., Николаев В.А.* Некоторые спорные вопросы теории библиографии // *Советская библиография*. 1960. № 5. С. 3—16.
- (*Reshetinskii I.I., Nikolaev V.A.* Nekotorye spornyye voprosy teorii bibliografii // *Sovetskaya bibliografiya*. 1960. No. 5. P. 3—16.)
- [Рыскин 1965] — *Рыскин Е.И.* Очерк теории и методики литературной библиографии. М.: Книга, 1965.
- (*Ryskin E.I.* Ocherk teorii i metodiki literaturnoy bibliografii. Moscow, 1965.)
- [Тодд 2011] — *Тодд III У.М.* Открытия и прорывы советской литературной теории в постсталинскую эпоху // *История русской литературной критики* / Под ред. Е. Добренко и Г. Тиханова. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 571—608.
- (*Todd III W.M.* Otkrytiya i proryvy sovetskoy literaturnoy teorii v poslestalinskuyu epokhu // *Istoriya russkoy literaturnoy kritiki* / Ed. by E. Dobrenko and G. Tikhanov. Moscow, 2011. P. 571—608.)
- [Тоддес 2002] — *Тоддес Е.А.* Б.М. Эйхенбаум в 1950—1980-е годы (к истории советского литературоведения и советской гуманитарной интеллигенции) // *Тыняновский сборник*. 2002. Вып. 11. С. 563—694.
- (*Toddess E.A.* Eikhenbaum v 1950—1980-e gody (k istorii sovetskogo literaturovedeniya i sovetskoy gumanitarnoy intelligentsii) // *Tyupanovskiy sbornik*. 2002. Vol. 11. P. 563—694.)
- [Троповский 1937] — *Троповский Л.Н.* Вопросы библиографии на библиотечно-

- библиографическом совещании // Красный библиотекарь. 1937. № 4. С. 52—60.
(*Toropovskii L.N. Voprosy bibliografii na bibliotечно-bibliograficheskom soveshchaniі // Krasnyi bibliotekar' . 1937. No. 4. P. 52—60.*)
- [Фет 1959] — *Фет А.А.* Полное собрание стихотворений / Подгот. текста, вступ. статья и примеч. Б.Я. Бухштаба. Л.: Советский писатель, 1959.
(*Fet A.A. Polnoe sobranie stikhotvoreniy / Prep., forew., and notes by B.Ya. Bukhshtab. Leningrad, 1959.*)
- [Фокеев 2006] — *Фокеев В.А.* Библиография. Теоретико-методологические основания. СПб.: Профессия, 2006.
(*Fokeev V.A. Bibliografiya. Teoretiko-metodologicheskie osnovaniya. Saint Petersburg, 2006.*)
- [Шкловский 1923] — *Шкловский В.Б.* Литература и кинематограф. Берлин: Универсальное изд-во, 1923.
(*Shklovsky V.B. Literatura i kinematograf. Berlin, 1923.*)
- [Шкловский 1970] — *Шкловский В.Б.* Тетива. О несходстве сходного. М.: Советский писатель, 1970.
(*Shklovsky V.B. Tetiva. O neskhodstve skhodnogo. Moscow, 1970.*)
- [Эйхенбаум 1962] — *Эйхенбаум Б.М.* Редактор и книга: Сб. статей. М.: Искусство, 1962.
(*Eikhenbaum B.M. Redaktor i kniga: Sb. statey. Moscow, 1962.*)
- [Эйхенбаум 1987] — *Эйхенбаум Б.М.* Литература и литературный быт // Эйхенбаум Б.М. О литературе. М.: Советский писатель, 1987. С. 428—436.
(*Eikhenbaum B.M. Literatura i literaturnyy byt // O literature. Moscow, 1987. P. 428—436.*)
- [Эйхенгольц 1946] — *Эйхенгольц А.Д.* Общая русская библиография: Метод. указания для студентов-заочников. М.: Госкультпросветиздат, 1946.
(*Eikhengol'ts A.D. Obshchaya russkaya bibliografiya: Metod. ukazaniya dlya studentov-zaochnikov. Moscow, 1946.*)
- [Эльзон 2003] — *Эльзон М.Д.* Борис Бухштаб // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биографический словарь: В 4 т. Т. 1 (https://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=31 (дата обращения: 09.10.2024)).
(*El'zon M.D. Boris Bukhshtab // Sotrudniki Rossiyskoy natsional'noy biblioteki — deyateli nauki i kul'tury: Biograficheskii slovar': In 4 vols. Vol. 1 (https://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=31 (accessed: 09.10.2024)).*)
- [Bourdieu 1988] — *Bourdieu P.* Homo Academicus / Transl. from French by P. Collier. Stanford: Stanford University Press, 1988.
- [Erich 1955] — *Erich V.* Russian Formalism. History-Doctrine. The Hague: Mouton, 1955.
- [Gerovitch 2002] — *Gerovitch S.* From Newspeak to Cyberspeak. Boston: MIT University Press, 2002.
- [Graham 1998] — *Graham L.* What we have learned About Science and Technology from the Russian Experience? Stanford: Stanford University Press, 1998.
- [Kozlov 2001] — *Kozlov D.* The Historical Turn in Late Soviet Culture: Retrospectivism, Factography, Doubt // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2001. Vol. 2. No. 3. P. 577—600.
- [Krementsov 1997] — *Krementsov N.* Stalinist Science. Princeton: Princeton University Press, 1997.